

НОВАЯ ГАЗЕТА

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО • ОБЩЕСТВО

Будущее не сзади

Попытка говорить про сегодня через вчера сделала плохо различимыми два противоположных дискурса — Z и анти-Z

14:28, 13 июля 2026,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Когда думаешь про «завтра», вспоминается диалог из сказки Льюиса Кэрролла между Королевой и Алисой. «Но ведь завтра когда-нибудь будет сегодня!» — говорит Алиса. А Королева отвечает: «Нет, никогда! Завтра никогда не бывает сегодня! Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну вот, сейчас наконец завтра»?»

Вот так просто: завтра никогда не бывает сегодня. Лозунг, под которым страна живет последние 27 лет. Как минимум последние четыре года — точно.

Когда горизонт планирования в России оказался окончательно завален, автору этого текста было, может быть, проще всего приспособиться к новым условиям жизни — автор никогда никакого конкретного будущего для себя и не планировал, иначе не стал бы журналистом. «Ты поедешь с нами в отпуск весной?» — всё еще периодически спрашивают сейчас члены семьи или друзья, и автор каждый раз безмерно удивляется уверенности, с которой люди всё еще, даже проснувшись утром 24 февраля 2022 года, ухитряются смотреть на свою жизнь.

Какое «весной»? Какое «через месяц»? Какое «завтра»? Я не уверена даже в том, где я буду сегодня вечером! Профессия журналиста хоть и подразумевает множество неудобств — включая понятные риски работы в сегодняшней России, — имеет все-таки одно неоспоримое преимущество: какой бы ни случился апокалипсис, журналист к нему в принципе морально готов. Работа такая.

Именно поэтому, мне кажется, спрашивать о планах на «завтра» журналистов-корреспондентов, журналистов-обозревателей (не политологов, не соцаналитиков) не слишком продуктивно — даже при нормальных политических условиях мы слишком зависим от момента, мы слишком погружены в сейчас.

Но если раньше — до 2022 года — такой режим был результатом

свободного выбора, после февраля отсутствие четкого «завтра» стало навязанной средой обитания. Причем навязана она оказалась не только кочевникам-корреспондентам, но и всему населению страны, которое все-таки привыкло иметь хотя бы примерное представление о собственном будущем.

Фото: Алексей Смагин / Коммерсантъ

Из такой слабой по отношению к «завтра» позиции любые попытки прогнозировать и пророчествовать кажутся беспомощными. Особенно если отдавать себе отчет в том, что «будущее» — понятие не хронологическое, не цифровая отметка на циферблате или календаре; будущее — это приближение к какому-то событию, или состоянию, или цели. Четыре прожитых года успели дать понять, что цифровые и календарные отметки вообще значат мало — и даже спустя год или в разгар лета может продолжаться один и тот же «февраль 24/7». И хотя, как проанализировала и описала Лаборатория

будущего «Новой газеты», будущее для некоторых до сих пор начинается через год или через десять лет, для большинства оно начинается с момента «когда это все закончится». А когда — неизвестно.

Мне повезло: хотя я так же, как и все, не имею никакого представления о том, каким будет будущее — хоть мое личное, хоть страны, хоть мира, — я точно знаю, когда оно начнется. Естественно, начнется оно не в X часов Y минут и даже, скорее всего, не с конкретного события — как всегда, это будет плавное перетекание из одного состояния в другое. Но отмерить начало этого перехода будет легко, и поэтому, не пытаясь встать в позу пророка и не превращаясь в фантаста, я могу с относительной уверенностью сказать, что будет первым знаком начала будущего. Им станет понимание того, что прошлое — прошло. Объясняю.

28 января в национальном центре «Россия» ультраправое движение «Сорок сороков» организовало масштабную конференцию с участием духовенства, бизнесменов и прочих представителей сегодняшних российских элит. На конференции в очередной раз обсуждалась «политика партии», «цели развития», демография и разные меры по защите традиционных ценностей на ближайшие обозримые годы вперед — называлась она «Назад в будущее».

Фоном для этого уже давно стали постоянные конкурсы, концерты, маленькие университетские посиделки с одним и тем же названием — «Вперед в прошлое». Проповедуют и там, и там в основном одно и то же — то, что Лаборатория будущего тоже многократно протоколировала: необходимость возвращения к истинной (в понимании участников) русскости, к суверенитету (читай: изоляции), к традициям (читай: изобретенным), к «Домострою» и роботам, расписанным под гжель.

Фото: ИТАР-ТАСС / Марина Лысцева

А один из государственных проектов в сфере культуры, позиционирующий себя как молодежное движение, придумал себе совсем уж откровенное название — «Обратная перспектива». Объясняют его создатели свою идею тем, что это якобы православный взгляд на мир — по контрасту с возрожденческим, то есть гуманистическим, западным, подтверждая свою философию цитатами, надерганными отовсюду, что попало на полке, — от блаженного Августина до Семена Франка. При этом они почему-то скромно молчат о том, что терминологией обязаны Павлу Флоренскому — священнику, ученому, убежденному антисемиту, одобрявшему Гитлера и Муссолини как харизматичных правителей, сидевшему в Соловецком лагере и репрессированному в 1937 году. Интересно, что из этой пестрой биографии больше всего привлекло авторов проекта.

Короче говоря, компас государственных планов на будущее страны сегодня вертится то вперед, подразумевая назад, то назад, подразумевая вперед, а основная идея всех этих мероприятий совсем не нова и от перемены мест не меняется: Россия должна куда-то вернуться и что-то повторить.

Идею вечного возвращения российские элиты вбивают нам в головы так давно, что уже трудно вспомнить, когда именно это колесо Сансары было запущено

(могу ошибаться, но предположу, что с тех пор, как впервые прозвучал лозунг «Можем повторить!»).

При ближайшем рассмотрении оказывается, что повторить, конечно, ничего не могут. Не могут повторить Великую Отечественную — ни количественно, ни качественно. Не могут повторить эпоху Александра III, чей портрет, судя по фильму Зарубина, стоит у Путина перед зеркалом, — император все-таки прославился тем, что не вел боевых действий. Не могут повторить «русский стиль» в культуре — не хватает образования и честности, чтобы воспроизвести фольклор на должном уровне. Не могут переснять советские фильмы. Не могут даже воспроизвести советский строй и советскую цензуру — для этого нет ни социального, ни организаторского капитала. Единственное, что повторить им по-настоящему удастся, причем удастся детально, вплоть до символов и призывов, произносимых с экранов телевизоров, нельзя упоминать в печати — сочтут дискредитацией армии.

Ничего из того, что собирались, повторить не могут — при этом история и ее суррогаты

занимают теперь почти всё интеллектуальное пространство России.

Без исторических аналогий не может обойтись теперь ни одно интервью первых лиц, ни один «разговор о важном» в школе. Вся страна теперь вынуждена идти в светлое будущее спиной вперед — и постоянно сопоставлять себя с теми, кто уже был до нас, сопоставлять свое сегодня с чужим вчера.

К сожалению, такую картину мира сильно раскрасили не только госпропагандисты, но и мы сами, те, кто с генеральным курсом не согласен: для любой цензурной меры моментально находится советский аналог, для любого ареста — более-менее подходящий по биографии советский диссидент. Не говорю, что такие аналогии безосновательны, — они обоснованы, и обоснованы, в первую очередь, психологией тех, кто сажает и запрещает: откуда бы им еще брать ролевые модели поведения, если не из собственной биографии.

Но дело в том, что осмысливать жизнь через прямые параллели с прошлым — это всего лишь попытка зацепиться за понятные категории, попытка придать устойчивость расшатанному и разрушающемуся миру. Попытка, надо сказать, инфантильная — и теперь, четыре года спустя, лично я жалею, что в начале того-что-нельзя-называть сама анализировала окружающее только через девиз «всё было».

Попытка говорить про сегодня через вчера не только объединила и сделала плохо различимыми два противоположных дискурса — Z и анти-Z, — но и вообще сильно мешает теперь жить.

Фото: Ирина Бужор / Коммерсантъ

Потому хотя бы, что заставила почувствовать себя спицей в колесе Сансары тех, кто крутиться в нем не хочет и не обязан. Потому еще, что сосредоточила интеллектуальное и культурное поле вокруг банальнейшей мысли о том, что Россия на всем протяжении своего существования якобы ходит кругами — из одного тоталитаризма в другой, от одного Ивана Грозного к другому Сталину.

Мысль эта, во-первых, вредная — она программирует будущее, обрубаает возможности развития, мешает увидеть реальные причины и реальные следствия. Она формирует представление о том, что у России вообще не может быть никакой другой жизни, кроме как под гнетом репрессий и войн, «просто потому, что такова и больше ни какова ее участь». А во-вторых, эта мысль еще и ни на чем, кроме склонности к мистицизму, не основана: в роковых кругах, по которым якобы ходит Россия, нет ничего рокового — просто «за серыми всегда приходят

черные», просто желание неограниченной и вечной власти одного всегда неизбежно приводит к тоталитаризму, а тоталитаризм во всех на свете странах во все времена строится по одному и тому же принципу (на запретах и крови), как по одному и тому же рецепту во всех на свете странах варятся куриные яйца.

Как подсказывает опыт общения с самыми разными людьми,

тяга к вечному возвращению туда, где стреляют, убивают и умирают, возникает если не от тяги к большим деньгам, то от того, что в мирной жизни они не ощущают ни смысла, ни собственной значимости.

Адреналин в этом случае становится действенным противоядием от чувства собственной бессмысленности.

Этим, как кажется, и объясняется нездоровая тяга постаревших идеологов Русского мира к повторениям и возвращениям — они пытаются вернуться не столько в героическое историческое прошлое, сколько в собственную молодость, когда, по одному из высокоточных выражений Александра Ширвиндта, «всё спереди», включая будущее. Ностальгия по молодости — в принципе, нормально для человека, но чудовищно для страны. Особенно если эта молодость возвращается за счет молодой жизни других.

Обобщая всё это, скажу так: будущее в России наступит, в первую очередь, тогда, когда Россия поймет, что оно не сзади.

Именно так — а не «когда всё закончится». Потому что есть связанная с этим опасность: если после того, как закончится

февраль, все радостно ринутся возвращать всё, как было до февраля, или до 2014 года, или до первой инаугурации Путина, — это будет означать, что будущее так и не наступило.